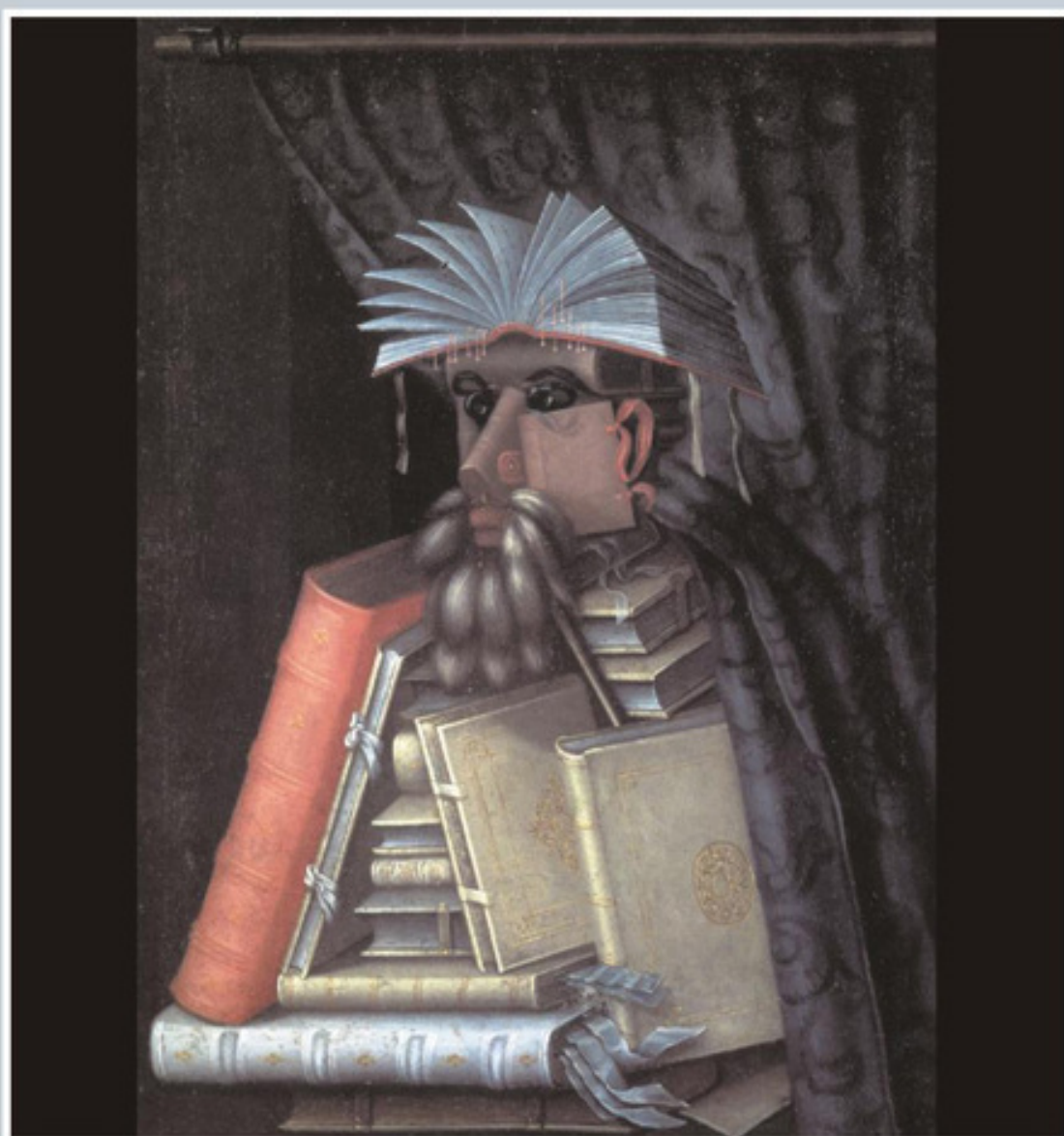

Психология для студента

ОСНОВЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

А.А. Леонтьев

Психология для студента

Алексей Леонтьев

Основы психолингвистики

НПФ «Смысл»

1997

Леонтьев А. А.

Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев — НПФ «Смысл»,
1997 — (Психология для студента)

ISBN 5-7695-2066-3

Первый базовый учебник по психолингвистике, написанный основателем этой междисциплинарной области знания у нас в стране. В учебнике представлена история и основные теоретические школы, основные понятия и методы современной психолингвистики, а также актуальные проблемы и тенденции развития. Психологам, лингвистам. 4-е издание.

ISBN 5-7695-2066-3

© Леонтьев А. А., 1997

© НПФ «Смысл», 1997

Содержание

Введение	6
Часть 1. Теоретические и методологические вопросы психолингвистики	7
Глава 1. Психолингвистика как наука и ее место среди наук о человеке	7
Библиография	15
Глава 2. История возникновения и развития психолингвистики	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

А.А. Леонтьев

Основы психолингвистики

4-е издание

Памяти А.С.Штерн и Л.В.Сахарного

Рекомендовано Министерством образования РФ в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Психология»

Учебная литература по гуманитарным и социальным дисциплинам для высшей школы и средних специальных учебных заведений готовится и издается при содействии Института “Открытое общество” (Фонд Сороса) в рамках программы “Высшее образование”.

Взгляды и подходы автора не обязательно совпадают с позицией программы. В особо спорных случаях альтернативная точка зрения отражается в предисловиях и послесловиях.

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор Т.М.Дридзе,
доктор филологических наук, профессор Ю.А.Сорокин

Введение

Пособий по курсу психолингвистики практически нет. Еще в начале 1970-х гг. был написан толстый комpendиум, который – пользуясь принятой в то время терминологией – мы называли «Основы теории речевой деятельности» (М.: Наука, 1974). Среди его авторов были А.Н.Леонтьев, И.А.Зимняя, Р.М.Фрумкина, Л.Р.Зиндер, Л.В.Бондарко, А.Е.Супрун, А.П.Клименко, Е.Л.Гинзбург, Ю.А.Сорокин, А.М.Шахнарович, Е.М.Вольф, И.И.Ильясов, Е.Ф.Тарасов, М.Н.Кожина, В.Г.Костомаров, Б.С.Шварцкопф, Б.М.Гриншпун, А.Б.Добрович, Ян Пруха и автор этих строк. Иных уж нет (Алексея Николаевича Леонтьева и Льва Рафаиловича Зиндера, Елены Михайловны Вольф, Бориса Моисеевича Гриншпуна), другие стали, никуда не выезжая, «иностранцами» (А.Е.Супрун и А.П.Клименко), почти все, кто жив, давно стали профессорами, докторами, а то и академиками. Книга эта получилась, очень содержательной, и до сих пор ее рекомендуют студентам по курсу психолингвистики. Но ей уже больше двадцати лет от роду! В 1990 году покойный Леонид Владимирович Сахарный издал в издательстве Санкт-Петербургского университета пособие «Введение в психолингвистику». Книга эта написана на прекрасном научном и дидактическом уровне, но тираж ее был мал, и даже до Москвы, не говоря о других университетских городах, книга Сахарного практически не дошла. Вот, в сущности, и все (если не считать небольших, хотя и очень полезных, брошюр-пособий, например книжки А.М.Шахнаровича, изданной МГЛУ). Можно добавить еще получившую широкую популярность переводную с английского книгу «Психолингвистика», где довольно механически были объединены две монографии – автор одной Д.Слобин, автор второй Дж.Грин.

Вот почему возникла потребность в данной книге. Она написана и издана по инициативе и при поддержке Института «Открытое общество», за что Институту – огромная благодарность.

Часть 1. Теоретические и методологические вопросы психолингвистики

Глава 1. Психолингвистика как наука и ее место среди наук о человеке

В первое время существования психолингвистики в нашей стране ее часто рассматривали как область знания, лежащую «на стыке» психологии и лингвистики (языкознания): как бы отчасти психологию, отчасти лингвистику – своего рода гибрид той и другой. Такое понимание психолингвистики и других «пограничных» областей (назовем среди них социолингвистику, этнолингвистику, психогенетику и многие другие) было связано с неточным, приблизительным представлением о системе наук вообще и об их взаимоотношениях – в частности. Поэтому мы начнем наше изложение с некоторых принципиальных положений, касающихся логической структуры научной теории и процесса научного исследования вообще.

Предмет и объект науки. Принято считать, что ряд наук, куда входят, в частности, языкознание, психология, физиология и патология речи, поэтика и др., имеют один и тот же *объект*. Это означает, что все они оперируют одними и теми же *индивидуальными событиями* или *индивидуальными объектами*. Однако процесс научной абстракции протекает во всех этих науках по-разному, в результате чего мы строим различные *абстрактные объекты*.

Что это такое? Абстрактные объекты – это «средства для характеристики объективно-реальных индивидуальных процессов (событий, явлений) описываемой области» (Логика научного исследования, 1965, с.172). Более строго абстрактная система объектов (или, что то же, система абстрактных объектов) понимается как «...все множество возможных (моделирующих) интерпретаций» (*там же*, с.127), объединяющее логические модели. Наряду с индивидуальными процессами (событиями, объектами) мы получаем построенные под определенным углом зрения модели, обобщаемые понятием абстрактной системы объектов.

Индивидуальный объект (событие, процесс) является *представителем* абстрактного объекта. Этот последний, в свою очередь, обобщает свойства и признаки различных индивидуальных объектов: это то, над чем мы можем осуществлять те или иные логические операции. Так, говоря о «звуке *a*», его отличиях от других звуков, его признаках, его изменении при сочетании с другими звуками и т.д., мы оперируем с абстрактным объектом, но относим все эти утверждения к множеству индивидуальных звуков *a* или, точнее, к каждому из них в отдельности.

Совокупность индивидуальных объектов научного исследования и есть *объект науки*. Абстрактная же система объектов или система абстрактных объектов образует *предмет науки*¹.

Выше мы говорили об общем объекте ряда наук (языкознания, психологии речи и пр.). Из каких индивидуальных событий или индивидуальных объектов он состоит?

Ответ на этот вопрос может быть различным в разных направлениях науки. Однако все они сходятся на том, что это – совокупность речевых (а вернее, не только речевых) актов, действий или реакций. Для лингвиста в них важна система средств выражения, для психолога – сам процесс речи, для патолога или коррекционного педагога (дефектолога) – возможные отклонения от нормального течения этого процесса. И каждый из этих специалистов строит свои системы *моделей* речевых актов, речевых действий или речевых реакций в зависимости

---

¹ См. об этом, например, Щедровицкий, 1964, с.14 – 18; Садовский, 1966, с.180 – 183; Лекторский, 1967, с.49 и многие другие.

не только от их объективных свойств, но и от точки зрения данной науки в данный момент. А эта точка зрения, в свою очередь, определяется как тем путем, который прошла наука при формировании своего предмета, так и теми конкретными задачами, которые стоят перед этой наукой в данный момент.

Значит, объект может быть у разных наук одним и тем же, а вот предмет специфичен для каждой науки – это то, что «видит» в объекте со своей точки зрения представитель каждой отдельной науки. Языкознание, психология речи и другие науки, занимающиеся речью, оперируют одними и теми же индивидуальными объектами или событиями и, значит, имеют один и тот же объект науки. Однако процесс научной абстракции протекает в каждой из них по-разному, в результате чего мы строим различные системы абстрактных объектов (логических моделей), каждая из которых соответствует предмету данной науки.

Наше рассуждение соответствует так называемому генетическому методу построения научной теории, когда «отправляются как от исходного от некоторых налично данных объектов и некоторой системы допустимых действий над объектами» (Смирнов, 1962, с.269). Существует еще и так называемый аксиоматический метод, при котором «область предметов, относительно которой строится теория, не берется за нечто исходное; за исходное берут некоторую систему высказываний, описывающих некоторую область объектов, и систему логических действий над высказываниями теории» (там же).

Выше мы уже не раз упоминали в связи с предметом науки термин *модель*. Что это такое?

Научная модель и научная теория. Модель – это логическая (знаковая) конструкция, воспроизводящая те или иные характеристики исследуемого нами объекта при условии заранее определенных требований к соответствию этой конструкции объекту. Строго говоря, понятие модели шире: это вообще всякая «...мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте» (Штофф, 1966, с.19). Внутри множества моделей выделяют теоретические или идеальные модели (в отличие от моделей, представляющих собой физические, материальные объекты – например, модель самолета, продуваемая в аэродинамической трубе). В свою очередь, они делятся на наглядные модели (элементы которых имеют какое-то сходство с элементами моделируемого объекта) и модели знаковые и логические, для которых не обязательно внешнее сходство с моделируемым объектом (но зато обязательно функциональное сходство). Впрочем, термины *знаковая* и *логическая* модель (конструкция) не кажутся нам удачными, и целесообразно вслед за Ю.А.Ждановым (1963) говорить о «...моделях, конструируемых из воображаемых элементов».

Моделирование не есть любое отображение объекта в модели. Моделируя реальный объект, мы конструируем другой – реальный или воображаемый – объект, изоморфный² данному в каких-то существенных признаках. А то новое, что мы узнаем при этом о моделируемом объекте, – это такие его черты, которые «автоматически» переносятся в модель, когда мы сознательно обеспечиваем ее изоморфность этому объекту по заранее определенным параметрам.

Иногда понятие модели излишне сужается, например, считаются единственно научными только аксиоматические модели или только математические модели. Это неправомерно. Всякое достаточно правильное, то есть отвечающее определенным требованиям адекватности моделируемому объекту (изоморфности этому объекту) и при этом эвристически значимое

² Мы сознательно упрощаем проблему, не вводя здесь понятия гомоморфности. На самом деле в науках о человеке мы имеем дело чаще с гомоморфизмом (такое соответствие модели объекту, которое является принципиально односторонним: все, что смоделировано на географической карте, можно найти на местности, но не все, что есть на местности, отображено на карте), чем с изоморфизмом (полное взаимное соответствие: из алгебраического представления функции можно вывести геометрическое, но и наоборот).

(дающее нам новую информацию об этом объекте) описание объекта есть его логическая модель и подчиняется общим закономерностям моделирования.

Моделирование объекта – необходимый компонент его познания, но на нем это познание отнюдь не заканчивается.

Мы можем построить бесконечное множество моделей одного и того же объекта, которые в равной мере соответствуют его свойствам, но отличаются друг от друга – ведь модель отражает не только эти реальные, объективные свойства, но и нашу точку зрения на этот объект, те требования к соответствию модели моделируемому объекту, которые мы в каждом случае предъявляем. Письменный (печатный) текст, фиксирующий устную речь, и фонетическая транскрипция устной речи – знаковые модели одного и того же реального события, но требования к соответствию объекту у них разные.

Ни одна модель не является полной, не исчерпывает всех свойств объекта. Такое исчерпывающее описание и невозможно, и не нужно. В науке мы каждый раз при моделировании вычленим определенные свойства объекта, оставляя другие вне своего рассмотрения. Даже моделируя одни и те же свойства, отображая их в рамках одной науки под определенным, достаточно узким углом зрения, мы можем построить несколько несовпадающих моделей в зависимости от системы используемых при этом понятий и операций и в зависимости от конкретной задачи моделирования. Так, например, модель системы фонем русского языка различается в «ленинградской» и «московской» фонологических школах. С другой стороны, любой лингвист знает, как трудно «перевести» на язык привычной ему модели описание того или иного языка, выполненное при помощи иной системы исходных понятий и операций (например, системы понятий американской дескриптивной лингвистики или порождающей грамматики Н.Хомского).

Тем более будут отличаться так называемая «теоретическая» грамматика языка и, скажем, алгоритм автоматического анализа и синтеза того же языка при машинном переводе, даже если они в равной степени отражают свойства объекта (языка). Каждая из этих моделей оптимальна для определенной цели: будучи заложена в компьютерную программу, самая лучшая теоретическая грамматика окажется бесполезной. Другой характерный пример – описание языка в различных учебниках этого языка. Вообще в науке все больше утверждается принципиальное положение о *множественности моделей* одного и того же моделируемого объекта.

Абстрактный объект как раз и есть обобщение множества возможных моделей данного конкретного объекта (совокупности конкретных объектов, или, как часто говорят, «предметной области»), а именно *инвариант* этих моделей. (Не всех, а тех, которые отображают именно данные объективные свойства моделируемого объекта: ведь у него могут быть и другие, не менее существенные, но изучаемые другими науками под другими углами зрения.) Ведь все эти модели уже по определению обладают общими, инвариантными характеристиками, отражающими сущностные свойства объекта и остающимися без изменения при переходе от одной модели к другой. Вот эти-то инвариантные характеристики и могут быть объединены в понятие абстрактного объекта или, как мы уже говорили, в понятие предмета данной науки.

Перейдем теперь к другому важному понятию логики науки – к понятию *теории*.

Научная теория есть «...система обобщенного и достоверного знания о том или ином «фрагменте» действительности, которая описывает, объясняет и предсказывает функционирование определенной совокупности составляющих ее [конкретных – Авт.] объектов» (Философский словарь, 1981, с.366). Или, что то же, это «целостная система абстрактных объектов, ...разновидность знания, в рамках которой осуществляется поиск нового знания, объяснение уже известных и предсказание новых фактов» (Переверзев, 1994, с.230).

Иногда теория понимается как продукт верификации (проверки) модели. Это не так. Верифицированная модель (например, показавшая свою правильность в ходе эксперимента) еще не становится от этого теорией: просто сначала мы имели дело с каким-то допущением,

гипотезой, затем выяснили, что это допущение справедливо, что эта гипотеза верна. Но из того, что оно справедливо, еще не следует, что мы обладаем целостным и достоверным знанием об объекте – только знанием о каких-то отдельных сторонах, о некоторых свойствах объекта!

В отличие от модели, которая, чтобы стать из безответственного высказывания по поводу объекта истинной моделью этого объекта, нуждается в верификации, теория в принципе не может быть проверена в эксперименте. Модель (во всяком случае, знаковая или логическая, построенная из воображаемых элементов), как правило, полностью поддается формализации и операционализации. К теории это не относится. Но зато «...зрелая теория представляет собой не просто сумму связанных между собой знаний, но и содержит определенный механизм построения знания, внутреннего развертывания теоретического содержания, воплощает некоторую программу исследования; все это и создает целостность теории как единой системы знания» (Швырев, 1983, с.677).

Теория включает в себя следующие компоненты: 1. Исходные основания теории или ее концептуальный базис – исходные понятия и основные отношения между этими понятиями (Переверзев, 1994, с.230). 2. Логика теории – «множество допустимых в данной теории правил вывода и способов доказательства» (Горский, Ивин, Никифоров, 1991, с.183). 3. Совокупность законов и утверждений, логически выведенных из исходных оснований (*там же*).

Возможны ли различные теории одного и того же объекта? Да, если мы опираемся на различные исходные понятия и действуем по различной логике, вообще если в основе разных теорий лежат различные методологические и философские представления.

Тонкие мысли о сущности и особенностях психолингвистических моделей были высказаны Р.М.Фрумкиной (1972; 1980), с которой мы в основном солидарны.

Концептуальный базис теории. В любой науке следует разграничивать два рода используемых в ней понятий. Часть из них – это *категории*, имеющие общенаучный, а иногда и философский характер и выступающие в данной науке лишь частично, наряду с другими науками. Иначе говоря, одна эта наука не может претендовать на сколько-нибудь полное и всестороннее раскрытие сущности данной категории. Примером таких категорий могут выступать *система, развитие, деятельность*. Они входят в число конкретно-научных (например, психологических, лингвистических, этнологических) понятий, получают соответствующую интерпретацию в психологическом, лингвистическом и тому подобных аспектах, на конкретном материале данной науки. Но нельзя до конца понять суть системности в языке, не обращаясь к понятию системы в других науках и к более общим методологическим основаниям понятия системы. По удачному определению Э.В.Ильенкова: «Категории как раз и представляют собою те всеобщие формы (схемы) деятельности субъекта, посредством которых вообще становится возможным связный опыт, т.е. разрозненные восприятия фиксируются в виде знания» (1984, с.67).

Категории могут быть философскими и собственно научными³. Говоря о собственно научных (общенаучных) категориях, целесообразно вслед за П.В.Копниным (1971, с.202) различать в них категориальный аппарат формальной логики и категории, свойственные отдельным предметным областям. Но и последние остаются при этом категориями, не носят узко специализированного характера: другое дело специализированное научное *понятие* как компонент научной теории.

В структуре или «языке» той или иной науки можно, таким образом, выделить понятия разного уровня – от наиболее общих философских категорий до конкретно-научных понятий. В психологии примером такой иерархии могут быть соответственно субъект (философская категория), понятие (логическая категория), деятельность (общенаучная категория), аффект

³ Различать их исключительно важно в методологическом отношении: это позволяет нам избежать позитивистского сведения философских категорий к «языку науки».

(конкретно-научное понятие). В лингвистике аналогичным примером могут быть развитие (философская категория), признак (логическая категория), знак (общенаучная категория) и фонема (конкретно-научное понятие). Различать эти уровни очень важно, когда мы стремимся установить объективную взаимосвязь соответствующих им сущностей внутри предмета данной науки. Но возможна и иная постановка вопроса – когда мы стремимся раскрыть сущность и качественное своеобразие той или иной категории, рассматривая ее во всем многообразии не только внутрисубъектных, но и межсубъектных или «надсубъектных» связей и отношений, когда для нас важно раскрыть все те системы связей, в которые данная сущность может вступать, независимо от их «ведомственной принадлежности» предмету той или иной науки.

Из всего сказанного выше можно сделать важный вывод о том, что научное знание в принципе едино и абсолютно, а место в нем предмета конкретной науки факультативно и относительно. Соответственно и научные специальности (психолог, лингвист, этнолог) – это совсем не разные профессии, это – в силу ограниченности познавательных и творческих возможностей конкретного ученого и в силу различия сфер практического приложения научного знания – условная сфера деятельности данного ученого. В некоторые периоды развития науки появляется тенденция к сужению этой сферы до традиционного предмета той или иной науки, в другие – тенденция к ее расширению за его пределы и, соответственно, к появлению более широких предметных областей.

Объект психолингвистики. Какие конкретные объекты или конкретные события изучает психолингвистика? Выше уже говорилось о других «речеведческих» науках, в частности о лингвистике (языкознании), что общим для них объектом являются речевые акты, или речевые действия, или речевые реакции. Сейчас время уточнить это положение.

Введем понятие *фрейма* как фиксированной системы параметров, описывающих тот или иной объект или событие. (См. *Minsky*, 1988, p.245). Так например, «Личный листок по учету кадров» (параметры сформулированы в явной форме) или стандартная международная форма *Curriculum vitae* (параметры не сформулированы в явной форме) есть фрейм, описывающий данного человека, по крайней мере те его качества, которые существенны при приеме на работу.

Конкретные события, моделируемые в науке, обычно характеризуются по принципу фрейма. Так, в отечественной психологии наиболее часто используется «деятельностный фрейм»: мы как бы задаем событию определенные вопросы (Цель? Мотив? Условия? Вид деятельности – трудовая, познавательная, игровая? и т.д.) и характеризуем это событие по данным параметрам как тот или иной акт деятельности или его компонент (действие, операция). А в американской психологии вплоть до 1960-х гг. господствовал иной, «бихевиористский» фрейм, когда на то же самое событие «накладывались» другие вопросы и соответственно оно с самого начала получало иную интерпретацию – как стимул или как реакция определенного рода.

Различные направления в психолингвистике рассматривают ее объект, т.е. конкретные речевые события, через «призму» разных фреймов. (См. об этом главу 2). Но во всех случаях, независимо от методологического подхода к речи, диктующего нам тот или иной фрейм, в структуре этого фрейма обязательно или как правило представлены такие характеристики, как процессуальность, субъект речи (хотя при разных подходах в этом субъекте выделяются различные свойства и характеристики), объект речи или ее адресат, мотив или потребность, интенция или речевое намерение, цель (хотя в бихевиористском фрейме она факультативна), содержание или предмет речевого общения, языковые или семиотические средства. То есть объектом психолингвистики, как бы его ни понимать, всегда является *совокупность речевых событий или речевых ситуаций*. Этот объект – общий у нее с лингвистикой и другими «речеведческими» науками.

Предмет психолингвистики. Сопоставим несколько определений предмета психолингвистики, дававшихся разными авторами на протяжении ее полувековой истории.

В начале этой истории мы находим следующее определение (Psycholinguistics, 1965, p.3): «Психолингвистика изучает те процессы, в которых интенции говорящих преобразуются в сигналы принятого в данной культуре кода и эти сигналы преобразуются в интерпретации слушающих. Другими словами, психолингвистика имеет дело с процессами кодирования и декодирования, поскольку они соотносят состояния сообщений с состояниями участников коммуникации»⁴. Другое определение, данное Ч.Осгудом (которому вместе с Т.Сибееком принадлежит и первое), звучит следующим образом: психолингвистика «...занимается в широком смысле соотношением структуры сообщений и характеристик человеческих индивидов, производящих и получающих эти сообщения, т.е. психолингвистика есть наука о процессах кодирования и декодирования в индивидуальных участниках коммуникации» (Osgood, 1963, p.248). С.Эрвин-Трипп и Д.Слобин столь же кратко определили психолингвистику как «...науку об усвоении и использовании структуры языка» (Ervin-Tripp & Slobin, 1966, p.435).

Европейские исследователи дают сходные определения. Так, П. Фресс считает, что «психолингвистика есть учение об отношениях между нашими экспрессивными и коммуникативными потребностями и средствами, которые нам предоставляет язык» (Fraisse, 1963, p.5). Наконец, Т.Слама-Казак после детального анализа и нескольких последовательных определений приходит к краткой формулировке, что предметом психолингвистики является «...влияние ситуации общения на сообщения» (Slama-Cazacu, 1973, p.57)⁵.

В высшей степени интересное определение психолингвистики, так сказать, «снаружи» дала Е.С.Кубрякова – не психолингвист, а «чистый» лингвист, – в своей книге о речевой деятельности. Вот что она пишет: «В психолингвистике... в фокусе постоянно находится связь между содержанием, мотивом и формой речевой деятельности, с одной стороны, и между структурой и элементами языка, использованными в речевом высказывании, с другой» (Кубрякова, 1986, с.16).

Автор настоящей книги в 1968 году дал одновременно два различных определения психолингвистики. Первое из них обобщало понимание психолингвистики другими учеными: «Психолингвистика – это наука, предметом которой является отношение между системой языка... и языковой способностью» (Леонтьев, 1969, с.106). Второе было дано, так сказать, «на вырост»: «Предметом психолингвистики является речевая деятельность как целое и закономерности ее комплексного моделирования» (там же, с.110). Именно поэтому в СССР в качестве синонима термину «психолингвистика» долго употреблялось выражение «теория речевой деятельности». В 1989 г. автор считал, что предметом психолингвистики «является структура процессов речепроизводства и речевосприятия в их соотношении со структурой языка (любого или определенного национального). Психолингвистические исследования направлены на анализ языковой способности человека в ее отношении к речевой деятельности, с одной стороны, и к системе языка – с другой» (Леонтьев, 1989, с.144). Наконец, в 1996 г. автор писал, что целью психолингвистики «является ... рассмотрение особенностей работы этих механизмов (механизмов порождения и восприятия речи) в связи с функциями речевой деятельности в обществе и с развитием личности» (Леонтьев, с.298).

По этим определениям можно проследить эволюцию взглядов на предмет психолингвистики. Вначале он трактовался как отношение интенций (речевых намерений) или состояний говорящего и слушающего (языковой способности) к структуре сообщений, как процесс или

⁴ Здесь и далее, где цитируются оригинальные тексты (не на русском языке), перевод принадлежит автору настоящей книги.

⁵ Интересно, что многие авторы, в названиях работ которых есть слово «психолингвистика», откровенно (или не очень) избегают этого термина в тексте. Так, ничего не говорится о психолингвистике как таковой ни в книге Х.Херманна (1981), ни в объемистой монографии Г. и Э.Кларк (1977), а Г.Лист после двух книг о психолингвистике отказалась от этого термина и назвала третью «Психология языка» (Sprachpsychologie. Stuttgart, 1981). См. об этом в главе 2.

механизм кодирования (и соответственно декодирования) при помощи системы языка. При этом «состояния» участников коммуникации понимались исключительно как состояния сознания, а процесс коммуникации – как процесс передачи некоторой информации от одного индивида к другому. Далее появилась идея речевой деятельности и уже не двучленной (языковая способность – язык), а трехчленной системы (языковая способность – речевая деятельность – язык), причем речевая деятельность стала пониматься не как простой процесс кодирования или декодирования заранее данного содержания, а как процесс, в котором это содержание *формируется*. (см. главу 3). Параллельно стало расширяться и углубляться понимание языковой способности: она стала соотноситься не только с сознанием, но с целостной личностью человека. Претерпела изменение и трактовка речевой деятельности: ее стали рассматривать под углом зрения общения, а само общение – не как передачу информации от одного индивида к другому, а как процесс внутренней саморегуляции социума (общества, социальной группы).

Изменилась не только трактовка языковой способности и речевой деятельности, но и трактовка самого языка. Если раньше он понимался как система средств кодирования или декодирования, то теперь трактуется в первую очередь как система ориентиров, необходимая для деятельности человека в окружающем его вещном и социальном мире. Другой вопрос, используется эта система для ориентировки самого человека или с ее помощью обеспечивается ориентировка других людей: в обоих случаях мы имеем дело с понятием «образа мира» (см. главу 17).

Таким образом, если попытаться дать современное определение предмета психолингвистики, то оно будет следующим. **Предметом психолингвистики является соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной «образующей» образа мира человека, с другой.**

Психолингвистика как психологическая наука. Приведенное только что определение предмета психолингвистики показывает, что психолингвистика на современном этапе ее развития органически входит в систему психологических наук. Если вслед за А.Н.Леонтьевым понимать психологию как «...конкретную науку о порождении, функционировании и строении психического отражения реальности, которое опосредствует жизнь индивидов» (А.Н.Леонтьев, 1977, с.12), то язык и речевая деятельность участвуют и в формировании и функционировании самого этого психического отражения, и в процессе опосредования этим отражением жизнедеятельности людей.

Отсюда категориальное и понятийное единство психолингвистики и других областей психологии. Само понятие речевой деятельности восходит к общепсихологической трактовке структуры и особенностей деятельности вообще – речевая деятельность рассматривается как частный случай деятельности, как один из ее видов (наряду с трудовой, познавательной, игровой и т.п.), имеющий свою качественную специфику, но подчиняющийся общим закономерностям формирования, строения и функционирования любой деятельности⁶. Та или иная трактовка личности также непосредственно отражается в психолингвистике. Но особенно существенно, что через одно из своих основных понятий – понятие *значения* – психолингвистика самым непосредственным образом связана с проблематикой психического отражения и, в частности, с концепцией образа мира. При этом психолингвистика не просто пользуется понятиями и результатами исследования, предоставляемыми другими областями психологической науки: она, со своей стороны, обогащает другие предметные области психологии как в теоретическом плане (вводя новые понятия и подходы, по-иному, более глубоко трактуя при-

⁶ В других направлениях психолингвистики, где нет понятия речевой деятельности, соотношение психолингвистики и психологии аналогичное: так например, для бихевиоризма психолингвистика занимается речевыми реакциями, а бихевиористская психология в целом – любыми реакциями человека.

нятые понятия и пр.), так и в плане прикладном, позволяя решать практические задачи, недоступные другим традиционно сложившимся психологическим дисциплинам.

Наиболее тесно психолингвистика как психологическая наука связана с *общей психологией*, в особенности с психологией личности и с когнитивной психологией. Так как она имеет непосредственное отношение к общению, еще одной весьма близкой ей психологической дисциплиной является *социальная психология и психология общения* как часть последней. Далее, поскольку формирование и развитие языковой способности и речевой деятельности тоже входит в объем психолингвистики, психолингвистика самым тесным образом связана с *психологией развития* (*детской и возрастной психологией*). Наконец, она взаимодействует и с *этнопсихологией*.

В своем прикладном аспекте психолингвистика связана практически со всеми прикладными областями психологии: с *педагогической психологией* (см. главу 12), *патопсихологией*, *медицинской психологией*, *нейропсихологией*, *психиатрией* и *коррекционной педагогикой* (*дефектологией*) (см. главу 13), *инженерной*, *космической* и *военной психологией*, *психологией труда* и *эргономикой* (см. главу 14), *судебной* и *юридической психологией* (см. главу 15), наконец, с *политической психологией*, *психологией массовой коммуникации*, *психологией рекламы* и *пропаганды* (см. главу 16). В сущности, именно эти прикладные задачи послужили непосредственным толчком к возникновению психолингвистики как самостоятельной научной области.

Психолингвистика и языкознание. Языкознание (лингвистика) традиционно понимается как наука о языке как средстве общения. При этом ее предмет, как правило, четко не определяется.

Очевидно, что объектом лингвистики является речевая деятельность (речевые акты, речевые реакции). Но лингвист выделяет в ней то общее, что есть в организации *всякой* речи *любого* человека в *любой* ситуации, те средства, без которых вообще невозможно охарактеризовать внутреннее строение речевого потока. Предметом лингвистики и является *система языковых средств*, используемых в речевом общении (коммуникации). Другой вопрос, на чем делается акцент в каждом отдельном случае: на системности этих средств (как устроен любой язык) – и тогда мы имеем дело с так называемым *общим языкознанием*, или на индивидуальной специфике того или иного конкретного языка (русского, немецкого, китайского).

Лингвистика выделяет в речевой деятельности то, что непосредственно не диктуется ее психологической (психофизиологической) структурой, а относится к вариантности внутри предоставляемых этой структурой возможностей. В речи на любом языке не может не быть членения на слоги. Но какова структура русского, немецкого, китайского слога – это уже проблема лингвистическая. В любом языке обязательно есть гласные и согласные звуки – это тоже диктуется психофизиологией. А вот сколько этих звуков, какие они, в каких отношениях находятся друг к другу – это уже дело лингвиста.

В лингвистике есть множество направлений и школ, описывающих принципиальную общую структуру любого языка или «индивидуальную» структуру того или иного конкретного языка на основе различного концептуального базиса (различной системы понятий и различного понимания отношений между ними). Поэтому здесь трудно дать общую характеристику лингвистическому подходу к трактовке речевой деятельности. Сжатое описание основных антиномий (попарно противопоставленных друг другу наиболее общих категорий) современной лингвистики содержится в *Леонтьев, 1974*. Перечислим здесь эти антиномии: 1. Язык – речь; 2. Этический – эмический; 3. Система – норма; 4. Синтагматика – парадигматика; 5. Синхрония – диахрония; 6. Активный – пассивный; 7. Дескриптивный – прескриптивный; 8. Устный – письменный; 9. Общеязыковый – диалектный; 10. Литературный – нелитературный.}. Самое полное и в то же время квалифицированное изложение всей проблематики общей лингвистики дано в книге «Общее языкознание», 1983.

Главные тенденции в развитии современного языкознания сводятся к следующим.

Во-первых, как уже говорилось, изменилось само понимание языка. Если раньше в центре интересов лингвиста стояли сами языковые средства (фонетические, т.е. звуковые, грамматические, лексические), то теперь ясно осознано, что все эти языковые средства суть только формальные операторы, с помощью которых человек осуществляет процесс общения, прилагая их к системе *значений* и получая осмысленный и целостный текст (сообщение). Но само это понятие значения выходит за пределы общения – это и основная когнитивная (познавательная) единица, формирующая образ мира человека и в этом качестве входящая в состав разного рода *когнитивных схем, эталонных образов типовых когнитивных ситуаций* и т.д. Одним словом, значение, бывшее раньше одним из многих понятий лингвистики, все больше превращается в основное, ключевое ее понятие. Соответственно и психолингвистика все больше превращается в «психосемантику» в широком смысле слова.

Во-вторых, круг интересов лингвистики до последних десятилетий хорошо суммируется известным афоризмом Станислава Ежи Леца: «В начале было Слово, а в конце – Фраза». Но ведь фразой, или предложением, или высказыванием общение не кончается – оно «работает» с целостными, связными, осмысленными *текстами*. И психолингвистика все больше интересуется именно текстами, их специфической структурой, вариантностью, функциональной специализацией.

В-третьих, с момента своего возникновения и до наших дней лингвистика была и остается наукой «европоцентричной». Основные понятия общего языкознания сформированы на материале европейских языков – от латинского и греческого до английского, немецкого, русского. Совершенно отличные от них по структуре языки Азии, Африки, Океании, индейские языки Америки до сих пор часто описываются в системе этих понятий, к ним не всегда применимых. Важнейшим шагом вперед в лингвистике является четкое понимание и разграничение того, что в ее понятийном аппарате действительно универсально (применимо ко всем языкам без исключения), а что справедливо лишь для языков определенного типа, определенной структуры.

Итак, ясно, что психолингвистика имеет наиболее тесные связи с *общим языкознанием (общей лингвистикой)*. Кроме того, она постоянно взаимодействует с *социolingвистикой, этнолингвистикой и прикладной лингвистикой*, в особенности с той ее частью, которая занимается вопросами компьютерной лингвистики.

Библиография

- Горский Д.П., Ивин А.А., Никифоров А.Л. Краткий словарь по логике. М., 1991.
 Жданов Ю.А. Моделирование в органической химии//Вопросы философии, 1963. № 6.
 Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Изд.2. М., 1984.
 Копнин П.В. Философские проблемы языка//Философия и современность. М., 1971.
 Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.
 Лекторский В.А. Принципы воспроизведения объекта в знании//Вопросы философии, 1967. № 4.
 Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
 Леонтьев А.А. Лингвистическое моделирование речевой деятельности//Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
 Леонтьев А.А. Психолингвистика//Тенденции развития психологической науки. М., 1989.
 Леонтьев А.А. Психолингвистика//Психологический словарь. Изд.2. М., 1996.
 Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. Изд. 2. М., 1977.
 Логика научного исследования. М., 1965.
 Общее языкознание/Под ред. А.Е.Супруна. Минск, 1983.

- Переверзев В.Н.* Теория//Логический словарь ДЕФОРТ. М., 1994.
- Смирнов В.А.* Генетический метод построения научной теории//Философские вопросы современной формальной логики. М., 1962.
- Садовский В.Н.* Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы//Социология в СССР. М., 1966. Т. 1.
- Философский словарь/Под ред. И.Т.Фролова. Изд.4. М., 1981.
- Фрумкина Р.М.* Об отношении между теорией, моделью и экспериментом в психолингвистических исследованиях//Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике. М., 1972.
- Фрумкина Р.М.* Лингвистическая гипотеза и эксперимент (о специфике гипотез в психолингвистике)//Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980.
- Швырев В.С.* Теория//Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Штоф В.А.* Моделирование и философия. М.; Л., 1966.
- Щедровицкий Г.П.* Проблемы методологии системного исследования. М., 1964.
- Clark H.H., Clark E.V.* Psychology and Language. An Introduction to Psycholinguistics. New York, 1977.
- Ervin-Tripp S.M., Slobin D.I.* Psycholinguistics//Annual Review of Psychology, 1966. V.17.
- Fraisse P.* La psycho-linguistique//Problèmes de psycho-linguistique. Paris, 1963.
- Hurmann H.* Einführung in die Psycholinguistik. Darmstadt, 1981.
- Minsky M.* The Society of Mind. New York, 1988.
- Osgood Ch.E.* Psycholinguistics//Psychology: a Study of Science. New York, 1963. V. 6.
- Psycholinguistics. A Survey of Theory and Research Problems. 2nd ed. Bloomington, 1965.
- Slama-Cazacu T.* Introduction to Psycholinguistics. The Hague-Paris, 1973.

Глава 2. История возникновения и развития психолингвистики

Психолингвистические идеи до возникновения психолингвистики. Можно сказать, что предтечей психолингвистики был создатель научной лингвистики – Вильгельм фон Гумбольдт. Именно ему принадлежит идея речевой деятельности и понимание языка как связующего звена между социумом («общественностью») и человеком. В последние годы на русском языке появились два тома избранных сочинений В. фон Гумбольдта, вышла также монография В.И.Постоваловой о понятии деятельности у В. фон Гумбольдта (Гумбольдт, 1984; 1985; Постовалова, 1982).

Ученик В. фон Гумбольдта Г.Штейнталь, – в отличие от своего учителя, который рассматривал язык в его диалектике – и как процесс, и как готовую данность, и как часть психической деятельности человека, и как общественное явление, – понимал язык только как процесс. Г.Штейнталь писал о языке: «Он не покоящаяся сущность, а протекающая деятельность... Язык не есть нечто существующее, как порох, но процесс, как взрыв» (Steinthal, 1871, S.85). При этом он рассматривал язык исключительно как индивидуально-психическое образование. Механизм индивидуальной речевой деятельности Г.Штейнталь понимал так: «Мы должны ясно различать три момента, действующие при говорении: органическую механику, психическую механику и подлежащее выражению... понятийное или мировоззренческое содержание. Цель речи есть представление и отображение содержания с помощью психической и органической механики. Мы можем представить себе органическую механику в виде органа, психическую механику в виде органиста, содержание – в виде композитора» (там же, S.483). Обратим внимание, что для Г.Штейнталья «понятийное содержание» – это содержание индивидуального сознания, выявляемое путем самонаблюдения (интроспекции) (см. о Г.Штейнтале также Леонтьев, 1967, с.8 – 10)⁷.

Другой последователь В. фон Гумбольдта, русский языковед Александр Афанасьевич Потебня, по своим взглядам был ближе к нему, чем к Г.Штейнталю. Правда, у А.А.Потебни речевой акт, как и у Г.Штейнталья, есть явление исключительно психическое, но язык, слово вносит в этот акт культурное, социальное начало: «Язык объективирует мысль... Мысль посредством слова идеализируется и освобождается от... влияния непосредственных чувственных восприятий... Язык есть потому же условие прогресса народов, почему он орган мысли отдельного лица» (Потебня, 1989, с.237, 196, 197).

Так называемое младограмматическое направление в лингвистике XIX века (Г.Пауль, К.Бругман и многие другие) рассматривало язык не как процесс или совокупность процессов, а как систему «психических образов» или ассоциаций. «Психическое... совершается в единичной душе, согласно общим законам индивидуальной психологии», а поскольку язык есть явление психическое, то «всякое языковое творчество всегда индивидуально», и (индивидуальная) психология является для языкознания «законоустанавливающей» наукой. Причем «психическая сторона речевой деятельности, как вообще все психическое, может быть познана лишь непосредственно, путем самонаблюдения» (Пауль, 1960, с.36 – 40, 51).

Совершенно противоположную позицию занимал великий лингвист И.А.Бодуэн де Куртенэ, для которого, как и для В. фон Гумбольдта, язык (в широком смысле) был одновременно и «...определенным комплексом известных составных частей и категорий, существующих только *in abstracto*...», и «...беспрерывно повторяющимся процессом, основывающимся на общительном характере человека и его потребности ...сообщать (свои мысли) ...другим

⁷ На русском языке работ Г.Штейнталья почти нет. См. Штейнталь Г. Грамматика, логика и психология//В.А.Звегинцев. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. М.: 1960. Ч.1.

людям». В начале своей научной деятельности И.А.Бодуэн опирался на материалистическую концепцию физиолога и психолога И.М.Сеченова (через посредство его последователя, казанского физиолога Н.О.Ковалевского), а во второй половине жизни склонялся к позициям В.Вундта и вдохновляемой им «экспериментальной психологии». О И.А.Бодуэне как одном из непосредственных предшественников психолингвистики см. (Леонтьев, 1969, с.177 – 202); там же приведена основная литература.

Основоположник лингвистики XX века Фердинанд де Соссюр четко разделял собственно язык (*langue*) как абстрактную надиндивидуальную систему, языковую способность (*faculté du langage*) как функцию индивида (обе эти категории он объединял в понятии *langage*, или речевой деятельности) и речь (*parole*) – индивидуальный акт, реализующий языковую способность через посредство языка как социальной системы. К сожалению, эта система понятий, введенная Ф. де Соссюром в его лекциях, читанных в Женевском университете, отразилась в каноническом тексте его «Курса общей лингвистики», опубликованном после его смерти (см. Соссюр, 1977), в упрощенном и искаженном виде и была восстановлена только в 1950-х гг. Робером Годелем (*Godel*, 1957; см. также Соссюр, 1990).

К концепции Ф. де Соссюра близка концепция Л.В.Щербы, который ввел понятие «психофизиологической речевой организации индивида», которая «вместе с обусловленной ею речевой деятельностью является социальным продуктом». Эта «речевая деятельность» – «процессы говорения и понимания». Наконец, Л.В.Щерба говорит о «системе языка», подчеркивая, что это «...некая социальная ценность, нечто единое и общеобязательное для всех членов данной общественной группы, объективно данное в условиях жизни этой группы» (Щерба, 1974, с.24 – 29). Именно взгляды Л.В.Щербы оказали наиболее сильное воздействие при возникновении отечественного направления психолингвистики.

О взглядах влиятельных школ западной лингвистики XX века (Пражская школа, различные школы американской дескриптивной лингвистики, Лондонская школа) см. Основные направления структурализма, 1964.

Наконец, совершенно особое место занимают работы французского лингвиста Г.Гийома, создателя особой лингвистической дисциплины – психосистематики языка. Г.Гийом сосредоточивается на анализе языка не под углом зрения отношения «человек – человек», а в плане отношения «человек – мир (универсум)». По Гийому, именно благодаря «отношениям всех и каждого к миру» люди могут общаться друг с другом (Гийом, 1992, с.161). Таким образом, его взгляды близки к концепции «образа мира».

Перейдем к предшествовавшим появлению психолингвистики и в известной мере обусловившим это появление психологическим идеям конца XIX – первой половины XX века.

Их краткую характеристику мы начнем с так называемой «гештальт-психологии» (*Gestalt* – от нем. «образ»), представленной такими громкими именами, как М.Вертгеймер, В.Келлер, К.Коффка, в известной мере К.Бюлер и К.Левин (первый был близок гештальтизму, но занимал самостоятельную позицию, а второй с течением времени отошел от ортодоксального гештальтизма). Гештальтисты разделяли мир переживаний и физический мир, лежащий «за» переживаниями. Мир переживаний они в свою очередь рассматривали с двух точек зрения: как физиологическую реальность (мозговые процессы) и как психическую (феноменальную) реальность сознания. Сознание понималось как динамическое целое, «поле», единицей анализа которого и считался «гештальт» – целостная образная структура, несводимая к сумме составляющих ее ощущений.

Наиболее интересные для нас работы гештальтистов принадлежали, впрочем, не перечисленным только что ученым, со временем ставшим классиками психологии, а психологам, так сказать, второго эшелона. Например, в экспериментах О.Нимайера (*Niemeyer*, 1935) было показано, что при восприятии предложения его грамматическая структура с самого начала воссоздается как единое целое, как гештальт. Но особенно важна высказанная О.Дитрихом

идея: «Не только язык, но и каждый отдельный акт речи и понимания речи не простая, но, напротив, крайне сложная психофизиологическая функция, и отсюда следует расчленение не только языка в целом, но прежде всего именно этих актов на различные слои, каждый из которых имеет свою относительную ценность в рамках каждого рассматриваемого случая» (Dittrich, 1925, S.25 – 26). Позже эта идея получила конкретное психофизиологическое обоснование, в частности, в яркой работе Ф.Кайнца «К построению языка» (Kainz, 1957). Между прочим, именно О.Дитрих еще в 1913 году высказал мысль о необходимости особой научной дисциплины (он называл ее «психологией языка»), не совпадающей ни с собственно психологией, ни с лингвистикой (Dittrich, 1913). Упомянутый только что Ф.Кайнц, автор многотомного труда «Психология языка», в России почти не известен (см. о нем Леонтьев, 1967, с.69 – 71).

К.Бюлер заслуживает отдельной характеристики, так как, по словам Р.Якобсона, его книга «Теория языка» «все еще остается, быть может, самым ценным вкладом психологии в лингвистику» (Якобсон, 1985, с.385). Эта характеристика дана Т.В.Булыгиной и автором данной книги в их вступительной статье к русскому переводу этой книги К.Бюлера (Бюлер, 1993), к которой мы для экономии места и отошлем читателя.

Второе важное направление в мировой психологии в начале XX века связано с так называемой бихевиористской («поведенческой») психологией. Ее виднейшие представители на раннем ее этапе – Дж.Уотсон и Э.Торндайк.

Бихевиористская психология во многом солидаризуется с материалистической психологией, и не случайно она считает одним из своих предтеч великого русского физиолога И.П.Павлова. Она признает только объективные методы исследования психики, включает психику в общий контекст жизнедеятельности человека и считает ее обусловленной внешними воздействиями и физиологическими особенностями организма. С этим спорить трудно. Но, провозгласив объективность методов психологии, бихевиористы заявили, что если что-то в психике не поддается непосредственному наблюдению и измерению, то этого «что-то» вообще не существует. «Поскольку при объективном изучении человека бихевиорист не наблюдает ничего такого, что он мог бы назвать сознанием, чувствованием, ощущением, воображением, волей, постольку он больше не считает, что эти термины указывают на подлинные феномены психологии... Все эти термины могут быть исключены из описания деятельности человека» (Уотсон, 1927, стлб.435).

Отказавшись от дуализма и считая психику продуктом внешних воздействий, бихевиористы понимают эти воздействия исключительно как *стимулы, извне воздействующие на организм*, а содержание психики человека низводят до *совокупности реакций организма на эти стимулы и связей стимулов с реакциями*, возникающих благодаря тому, что та или иная реакция оказывается полезной для организма. «Человеческая жизнь складывается из определенных положений или ситуаций, с которыми мы сталкиваемся, из определенных ответов или реакций, которыми мы отвечаем на данные положения, и из определенных образующихся связей между бесчисленным множеством воздействующих на нас положений и соответственно таким же бесчисленным множеством вызываемых ими реакций» (Торндайк, 1935, с.21).

Конечно, обойтись только наблюдаемыми феноменами бихевиористы не могут, особенно при трактовке таких сложных форм поведения, как речевое. Поэтому в бихевиористскую теорию очень скоро было введено понятие «промежуточных переменных», опосредствующих реакции организма на те или иные стимулы. Но в «классическом» бихевиоризме они не имеют никакого содержательного смысла, т.е. являются операциональными фикциями: «... Единственные значения, которые в настоящее время имеют эти теоретические промежуточные конструкции, даны уравнениями, которые связывают их с определенными эксперимен-

тальными переменными... Такие уравнения образуют определение этих терминов» (*Spence*, 1948, p.74 – 75)⁸.

Впрочем, такая радикальная позиция характерна именно для классического, раннего бихевиоризма. Позже, не отказываясь от принципиальной схемы «стимул – реакция», бихевиористы пришли к реалистической психофизиологической интерпретации «промежуточных переменных». В частности, таковы были уже в 1950-е гг. взгляды одного из основоположников психолингвистики – Чарлза Осгуда (см. *Osgood*, 1957).

Можно сказать, образцом бихевиористского подхода к речи являются работы американского лингвиста Леонарда Блумфилда. Они существуют и на русском языке (*Блумфилд*, 1965; 1968), и с ними легко ознакомиться. Язык для Л.Блумфилда – простая количественная прибавка к другим стимулам, лингвистические формы просто обеспечивают более тонкую, специфичную и тонкую координацию, чем другие средства, но качественно он от других стимулов не отличается и есть лишь «...форма поведения, благодаря которой индивидиум приспосабливается к социальной среде» (*Weiss*, 1925, p.52)⁹.

Своеобразное явление в позднем бихевиоризме представлял собой Б.Скиннер, известный как специалист по обучению, но являющийся и автором теоретического труда «Речевое поведение» (*Skinner*

---

⁸ Легко видеть, что в бихевиористской психологии очень ярко выступают две тенденции западной философской мысли XX века: позитивизм и прагматизм. Мы не будем останавливаться на их характеристике (см., например, *Леонтьев*, 1967, с.17).

⁹ Ср. следующее заявление знаменитого американского лингвиста середины XX века Чарлза Хоккетта: «Для нас... человеческое существо – это животное, отчасти похожее, отчасти непохожее на других животных, но отличающееся от них благодаря наличию у него речи; наша математико-механическая модель разрешает нам допустить только это единственное различие» (*Hockett*, 1955, p.442).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.